

«Машады» в мусульманском мире

В XI-XII вв. «машады» с мнимыми могилами получили широкое распространение по всему мусульманскому Востоку, как универсальное явление, характерное для всех конфессий мира, связанное с культом «святых» (древнейший культ предков). Появление в Самарканде в XI в. «Машада Кусама» исторически закономерно, определено общей конъюнктурой в странах мусульманского мира после окончательного утверждения ислама, сложения обрядовой системы и распространения суфизма.

Возведение памятных мемориалов над почитаемыми могилами, в том числе мнимыми, древнейшая традиция у народов Евразии, уходящая в глубину веков. Установление пустых кенотафов, сооружение курганов, где нет реальных захоронений у кочевых и полукочевых народов Евразии — обычай, зафиксированный во многих местах до арабской Средней Азии. Важный материал по этой теме подобран О.В. Обельченко, где он сообщает не только о пустых кенотафах под древними курганами Средней Азии, но и о поминальных памятниках древней Греции и Рима, а также современного мира, где нет реальных захоронений.

Создание поминальных мемориалов в древности и в средние века перекликается в наше время с сооружением во многих городах и странах Евразии памятников в честь героев, погибших во время Второй Мировой Войны. Как и средневековые «машады», современные мемориалы с перечнем имен погибших ставятся в большинстве случаев за тысячи километров от места гибели их действительного захоронения на западе России. Многогранное, универсальное понятие «машад» в XX в. трансформировано в новую форму почитания памяти погибших, но смысл этого живучего у всех народов явления остался прежним.

История религиозной жизни средневековой Евразии VII-IX вв. была связана с бурными и часто кровопролитными процессами принятия новых верований. Славянские языческие племена восточной Европы, входившие в состав Византийской Империи, в то время принимали христианство. Народы ближнего и среднего Востока (Египет, Сирия, Ирак, Иран, Средняя Азия и Кавказ), входившие в состав Арабского Халифата, принимали ислам.

Всюду утверждение новых верований было сложным и длительным процессом, занимало полтора-два столетия, сопровождалось народными протестами, появлением в истории этих стран «борцов за веру» — мучеников. В последующем, имена наиболее известных религиозных подвижников культивировались духовенством и получили статус «святых», часть которых в исламе и христианстве почитается до сего дня.

Как отмечают исламоведы, мусульманский Восток знает немало культовых центров, мазаров «святых», не связанных с реальным лицом или местом его погребения. Искусственное перенесение «святынь», создание фиктивных могил одновременно в разных местах — явление чрезвычайно распространенное и характерное не только для ислама, но и других конфессий (христианство, буддизм). Часть таких святых мест в исламе обозначалась арабским термином «машад».

В названиях памятников зодчества, кладбищ, топонимах и гидронимах Центральной Азии хорошо известно такое понятие, как «машад» (машхад, мешхед) — условное место мученической кончины, отмеченное мазаром или крупным культовым комплексом, не связанным с реальным погребением.

В XI-XII вв. в связи с возрождением древнейшего, языческого в основе «культа святых» в странах ислама, на местах гибели «мучеников за веру» над их истинными и ложными могилами появились архитектурно оформленные мемориалы, связанные с событиями давних лет.

Наиболее почитаемые «машады» уходят в глубину веков и являются объектами поклонения и сейчас, хотя истинный смысл термина «машад» и даже сам термин в большинстве случаев давно утрачен в исторической памяти.

Термин «машад» имеется в средневековых юридических документах Средней Азии (два самаркандских вакфа 1066 г.), сохранился в топонимах и гидронимах той или иной местности и является косвенным, но важным документом для реконструкции истории завоевательных походов арабов в Средней Азии, географии распространения наиболее кровопролитных событий, связанных с внедрением ислама.

Часть «машадов» дошла до наших дней в виде названий кладбищ (Мешхеда-Мисриан, машад у мавзолея Абу-Саида в Мехне в Туркменистане), культовых комплексов (мавзолей-ханака Ходжа-Машад на юге Таджикистана, «Машад Кусам» в Самарканде), в названиях медресе (Шахи-Машад на севере Афганистана) и т. д.

Крайне интересная проблема «машадов» применительно к памятникам зодчества, местам поклонения святым, которая до сего дня актуальна, практически не изучена.

В наше время предания и легенды, связанные с «машадами», в большинстве случаев утрачены и восстановление имен святых, атрибуция на этой основе функции памятников архитектуры и правильная их интерпретация весьма затруднительна, а часто невозможна.

Места поклонения «святым», которые множатся в последние годы по всем регионам Средней Азии в связи с новой волной религиозности, представляют огромный познавательный и историко-культурный интерес, как крайне важное социальное, психологическое и ментальное явление в истории и духовной жизни мусульманского общества. Изучение святынь, их исторической основы, выявление придуманных, вновь создаваемых в наше время мест поклонения, спекуляций на тему «святые места» — важнейший аспект современных этнографических и социально-антропологических исследований.

Впервые «машады» (ар. «муашшир» — причастие от глагола ашара — что-то отмечающее, на что-то указывающее) попали в поле зрения известного будапешского востоковеда и этнографа Игнатия Гольдциера в конце XIX века (1896) при научной поездке по Египту.

Словом «машад», пишет И. Гольдциер, выражается мысль, что святой, погребение которого почитается в определенном месте, в действительности погребен где-то в другом, но что святой явился во сне шейху и указал место своего почитания. Поэтому в мире святых много двойников. Могилы одних и тех же лиц имеются в разных местах стран ислама (с равной претензией на подлинность), являются объектом почитания и паломничества до сего дня.

Среди местного духовенства и образованных людей верхнего Египта в XIX в., отмечает И. Гольдциер, существовало четкое различие между понятием «кабр» (или турба) — то есть действительная могила мученика и «машад» — место фиктивной могилы, простой же народ уже в то время не знал этого различия. Такая же ситуация наблюдается в Средней Азии. В настоящее время ни термин «машад», ни его смысл никому не известен. Ни мусульманское духовенство, ни тем более простой народ не знают этого слова.

Среднеазиатские легенды наличие нескольких мусульманских святынь (мазаров), связанных с одним и тем же лицом, иногда объясняют тем, что человек погиб в одном месте, а тело его было отправлено на белом верблюде в Медину для захоронения.

В средние века, главным образом в XI-XII вв., многочисленные, архитектурно оформленные «машады», связанные с именем какого-либо «святого», устанавливались одновременно в разных местах мусульманского мира, часто в местах предельно отдаленных от реальной могилы означенного лица и множились в большом количестве, как места паломничества. При этом реальные могилы известных в истории Халифата лиц также оформлялись крупными архитектурными мемориалами и почитаются до сего дня.

Например, крупный культовый комплекс Мазари-Шариф над мнимой могилой (машад) четвертого праведного халифа Али окончательно сложился в XV в. в одноименном городе близ Балха на севере Афганистана. Первый «машад» Али был устроен в XII в., почти 600 лет спустя после гибели халифа, но был разрушен при монголах. Существующий машад Али (Мазари-Шариф) основан в 1481-82 г. при Темуриде Хусейне Байкора. По преданию там похоронен зять Пророка Мухаммада, глава шиитской партии Халиф Али (убит в 661). В действительности реальные могилы халифа Али и его сыновей ал-Хасана (ум. 669) и ал-Хусейна (убит в 680) находятся в Ираке — в

городах Неджефе и Кербела и являются главными святынями шиитов на ближнем Востоке. Мазари-Шериф в Афганистане — типичный, классический «машад».

Культ Али и его сыновей, имамов ал-Хасана и ал-Хусейна был широко распространен по всей Средней Азии. Почитаемые фиктивные могилы (машады) — ал-Хасана и ал-Хусейна имеются в Нуратинском районе Навоинской области Узбекистана (около Бухары). С именем Али связан Шах-и Мардан в Ферганской области, мазар в окрестностях Хивы.

Другой крупный «машад» сложился в Иране, в городе Мешхед. Само название города связано с «машадом» восьмого шиитского имама ар-Резы, мученически погибшего (был отравлен) в IX в. около деревни Санабад. Близ села Санабад в связи с могилой мученика вырос г. Мешхед, впервые упомянутый в X в. Позже, в XV в. во времена правления Шахруха, по инициативе просвященной его жены Гаухаршад в Мешхеде около мнимой могилы ар-Резы была построена большая пятничная мечеть, несколько медресе, разросся огромный культовый комплекс с базаром, который на протяжении многих веков является главной святыней мусульман-шиитов Ирана.

Многочисленные мавзолеи (кубба — в местной транскрипции) были воздвигнуты в честь известного в исламе основателя суфийского ордена (тарика) Кадирийа — Абд ал-Кадири Джилани (в народе Гилани), распространенные по всему мусульманскому Востоку от Алжира до Индии и Индонезии, хотя реальная могила ал-Кадири находится в Багдаде. Почитание фиктивных могил Гилани распространено в странах ислама благодаря разветвленной деятельности дервишского ордена Кадирийа. Легенды о нем проникли в самые отдаленные области мусульманского мира.

Часть «машадов» в Средней Азии безымянна и историческую основу культа в наше время установить невозможно. Ярким примером неверной атрибуции служит крупный культовый комплекс — мавзолей-ханака Ходжа-Машад на юге Таджикистана. Памятник возник в XII в. и функционировал до начала XVI в., как показали археологические исследования. Односторонний взгляд, без учета всего комплекса данных, привел автора монографии по Ходжа Машаду к грубой ошибке в определении функции памятника как медресе. Атрибуции Ходжа-Машада как медресе противоречит, в первую очередь, географическое положение и стратиграфия памятника. Ходжа-Машад стоит на материке (данные моих раскопок в 60-е гг. XX в.), на проселочной дороге, примерно в 100 км. от какого-либо города (Термез, Кабадиан, Балх), в то время как первые медресе в средние века возникали в крупных городах (Бухара, Самарканд, Нишапур, Багдад, Газна, Мосул и др.), где уже сложились известные научные центры.

Действительная же функция Ходжа-Машада, как и в большинстве других случаев, закодирована в его названии. Название Ходжа-Машад, быть может, отражает давние, вполне реальные исторические события времен завоевания Средней Азии арабами в VII-VIII вв. — гибель за веру сподвижников Мухаммада — ходжа. В XII в. на месте этих событий в честь погибших за веру был установлен мемориально-культовый комплекс «Ходжа машад». В мавзолее-ханаке Ходжа Машад четко выражена культовая основа с двумя мавзолеями и примыкающим с севера двором с хужрами для паломников и вторым (кроме южного) порталным входом на оси северного фасада. Это ярко выраженный сакральный комплекс, в котором предусмотрены все составные, необходимые для совершения зийарата. В западном мавзолее есть михраб (возможно мечеть на первом этапе?), в пилоне южного портала устроена чилляхана, где паломники могли практиковать «халва» — один из важных столпов аскетизма и подвижничества в тасаввуфе.

Очень выразительный «машад» существует в юго-западной Туркмении, сложившийся на городище Мешхеда-Мисриан (средневековый Дахистан), где сохранились руины мечети, два минарета и несколько мавзолеев XI-XII вв., в том числе мечеть-мавзолей святого Машад-ата IX-X вв. (он же Шир-Кабир). Может быть название Мешхеда-Мисриан несет следы значительно более давних исторических событий? — гибель за веру времен завоевательных походов арабов в VII-начале VIII века, чем сохранившиеся архитектурные памятники IX-XII вв.

Большой интерес представляют руины медресе Шахи-Машад XII в. (1165), расположенном в северо-западной части Афганистана (верховья Мургаба). Памятник полностью не изучен, топография и стратиграфия места, где он расположен, не известна. Остатки мечети и фортификации, упомянутые в публикации, говорят об укрепленном городке или селении периода

Гуридов в этой части северного Хорасана. Для окончательных суждений памятник нуждается в археологическом исследовании.

На территории мусульманского Востока распространено также сакральное в христианской и мусульманской мифологии понятие «кырк» (тюрк. сорок), связанное с гибелью сорока святых воинов-мучеников за веру (существуют и другие сакральные цифры). На северном Кавказе (Дербент) до сих пор почитается Кыркхляр — место захоронения сорока «мучеников за веру». Это одно из древнейших почитаемых мусульманами кладбищ Кавказа, по местным хроникам и преданиям (Дарбанд-нама) связывается с арабским завоеванием VII в., гибелью за веру арабских мучеников во главе с Салманом б. Раби, что кажется вполне вероятным.

Около «машадов», как и у других сакральных мест, возникали кладбища, складывался выработанный в исламе поминальный обряд — зийарат, совершались жертвоприношения. У наиболее почитаемых святых от имени правителей и духовенства выстраивались ханака для паломников, караван-сарай, действовали медресе, складывались крупные некрополи с богатыми гробницами (сакральный центр имама ар-Резы в Мешхеде, Джамал ад-Дина Руми в Конье, ханака-мавзолей Ходжа Ахмада Ясави в Туркестане и др.).

Одним из крупных религиозно-культурных центров средневековой Средней Азии являлся «Машад Кусама» в Самарканде.

«Машад Кусама»

Мемориально-поминальный комплекс, основанный в первой половине XI в. на юге Самарканда, связан, как сказано выше, с мнимой могилой кровного родственника и сподвижника Пророка Кусама ибн Аббаса, погибшего за веру в конце VII века при первых попытках арабов завоевать город.

Венгерский востоковед И. Гольдциер, изучавший в конце XIX в. «машады» в долине Нила, сообщает легенду, по которой место для возведения «машада», должно было «присниться» шейху во сне. Для «машада Кусама» самаркандским духовенством было выбрано удобное для зийарата место в жилой юго-восточной части города, на перекрестке канала и мощеной камнем улицы-дороги близ крепостной стены города.

«Машад» был установлен на берегу канала, предположительно на площади Малики-хатун, названной в вакфе XI в., фасадом на север, к каналу. О канале говорят археологические (выявлен в 60-е гг. XX в.) и письменные данные (упомянут в вакфе XI в.). О нем также сообщает марроканский шейх Ибн Баттута, проделавший беспрецедентное путешествие от Танжера (Марокко) до Индии и посетивший гробницу Кусама в 30-е гг. XIV в. Текст гласит: «за Самаркандом находится могила Кусама ибн ал-Аббаса. Снаружи гробницы Кусама течет большой арык, по обоим берегам его растут деревья, виноградные лоза и жасмин, там же находится завийа для паломников». Жители города, сообщает Баттута, посещают могилу каждый вечер в понедельник и пятницу, татары тоже приходят сюда, дают огромные пожертвования, приводят коров и баранов, приносят дирхемы и динары; все это расходуется для угощения паломников и содержания служителей завийи и благословенной могилы. «Татары еще в то время, когда были язычниками, ничего не изменили в этой святой гробнице и даже стали почитать ее, будучи свидетелями ее чудес».

По данным вакфа 1066 г. на первом этапе около «машада» еще сохранялась городская застройка. Культурные постройки сосуществовали с жильем и общественными строениями (торговый тим и жилой дом Малики-хатун, ханака, усадьбы других жителей).

Действительное захоронение Кусама ибн Аббаса в VII в. было совершено на первом кладбище арабов Бану-Нахийя на юге Самарканда, как сообщает Малая Кандийа.

Смутные данные источника позволяют предполагать, что это кладбище арабов располагалось поблизости от южных Кешских (Железных) ворот города, между теперешней Шахи-Зиндой и мечетью Хазрети-Хызра. Там же находилась и самая ранняя в Самарканде мусульманская мечеть с катакомбой (чилляханой?) Мухаммада ибн-Васы, где хранились исламские знамена. Позже, при

возведении «Машада Кусама» исламские знамена, видимо, были перенесены в гробницу ал-Кусама и находились там вместе с другими священными реликвиями вплоть до середины XX в., как известно из поздних письменных источников.

К XI в., когда начался активный процесс возведения памятных мемориалов у почитаемых могил по всему мусульманскому Востоку, реальная могила Кусама ибн Аббаса, надо полагать, уже не отвечала масштабам сложившегося зийарата и требованиям времени. Известно, что могилы первых мусульман на раннем этапе ничем не отмечались. Это мог быть земляной холм с шестом в головах, и чем больше (по поверию) холм стирался, тем большую святость приобретала могила.

Однако имя кровного родственника Пророка не кануло в веках. В начале XI в. духовенством в союзе с тюрками-Караханидами на юге столичного Самарканда был создан мемориально-поминальный комплекс для важной в истории ислама персоны, который действует уже 1000 лет.

Исследования в гурхане комплекса Кусама ибн Аббаса показали, что «машад Кусама» — поминальный комплекс с фиктивным захоронением, где нет ни могилы VII в., ни следов перезахоронения костных останков, ни следов раннеарабского кладбища вообще. Перезахоронение останков в исламе рассматривалось, как преступление, достойное самой страшной кары Аллаха.